

АННА
ГРОМ

МОЗГОПРАВ

ЛЮБОВЬ С *а*ДЭФФЕКТОМ

Толерантности

Анна Гром

Мозгоправ. Любовь с эффектом помешательства

<https://litres.ru/74422677>

SelfPub; 2026

Аннотация

Отношения между врачом и пациенткой — полное и безоговорочное табу. Багиров выучил это наизусть ещё на первом курсе медунивера.

Главврач областной психиатрички, кандидат наук с многолетней частной практикой, Тимур Айдарович Багиров думал, что способен увидеть насквозь любую душу.

Кроме своей.

Профессиональная этика дала по мозгам и отрикошетила пулей в сердце, когда он в каком-то захудалом баре спас молодую женщину от панической атаки.

Перед глазами плывёт. Я вижу лес, вижу свои руки в стальных браслетах колючей проволоки, кровь на снегу

Это всего лишь воспоминания. Это не по-настоящему.

Не помогает.

Чей-то силуэт загораживает мне обзор.

- Посмотри на меня! Что пила? Ела?

Это же не он?! Нет. Это какой-то другой мужик. Большой, чернявый, страшный. Здоровенный, как лось. Я боюсь его.

- Успокойся, я врач. Так, у нас с тобой гипервентиляция лёгких. Смотри на меня. На счет «раз» начинаешь вдыхать. Медленно...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Гром

Мозгоправ. Любовь с эффектом помешательства

Глава 1

(Она)

До сих пор понять не могу, что я здесь делаю.

Зачем я вообще согласилась прийти на эту встречу выпускников?

Я их пятнадцать лет не видела и ещё столько же не видела бы. Зачем вообще с этими людьми сохранять связь? Для чего? Чтобы меряться количеством детей и квадратных метров в ипотеке? Хвастаться успешным успехом?

У меня ни того, ни другого, ни третьего, я — разведёнка, которая и работает, и живёт в затхлой однушке на выселках.

Ни с кем из них я не дружила ни тогда, ни сейчас. Разве что только с одной.

Мы с Надей за одной партой сидели на русском и литературе. И после выпуска она периодически нет-нет да писала мне в мессенджер «как дела?» да зазывала во всевозможные пирамиды и сетевые компании.

Именно она и уговорила меня прийти на этот юбилей.

Сказала, что меня очень сильно ждут и хотят видеть.

Если бы я знала, что причиной тому та история, после которой у меня началась бессонница и странные приступы парализующего страха, то на за что не пошла бы. А ещё лучше заблокировала бы её навечно.

Об этой истории писали в газетах. В криминальной хронике. Хорошо, без имён и фотографий. Правда, это не помогло. Очень скоро все узнали, что жена, муж которой вывез её в багажнике в лес и примотал к дереву колючей проволокой и уехал — это я. Я тогда истекла кровью и чуть не лишилась обеих кистей. Меня спасли заблудившиеся грибники. Судьба? Поверишь во что угодно.

Место мне уже не понравилось: шумно, накурено, неудобно. Кто-то вопит в караоке, кто-то громко ржёт, кто-то звонко чокается рюмками. Эта мешанина звуков вибрирует у меня внутри, щекочет рёбра и облизывает позвоночный столб липким приступом страха. Я с недавних пор не люблю шум и скопление народа. Но решила, что лучший способ победить свой страх — посмотреть ему в лицо.

Но как же я ошиблась.

(Он)

Врач не должен эмоционально вовлекаться в истории своих пациентов. Это закон.

Особенно, если это врач-психиатр. Его задача помочь. Но в случае с сегодняшним клиентом по фамилии Уваров мне

хотелось одного — взять его за сивую гриву и впечатать мордой в стену.

Холёный нарцисс с задатками садиста-абыюзера, которого мамаша ставила коленями на гречку, привив тем самым латентную ненависть ко всему женскому полу.

Его требования к жене были «самыми простыми». Она должна была подавать завтрак-обед-ужин-компот исключительно свежеприготовленные, занимать и успокаивать детей, чтобы не мешали ему отдыхать, быть сексуально доступной каждый день, как минимум, орально.

Многорукий Шива, а не баба должна быть!

Если что-то из этого не выполнялось или выполнялось «на троечку», то в ход шли все виды абыюза, как по учебнику: газлайтинг, обесценивание, критика, манипуляции, оскорбления, угрозы. Набор неврозов в подарочной коробке с ленточкой.

На минуту, у него двое детей пяти и семи лет. С двумя маленькими детьми обоим родителям справляться уже героика, не хуже подвигов Геракла. А уж в одни ворота, да и ещё с двинутым муженьком рядом...

Другой вопрос, что заставляло женщину продолжать жить с этим чудачком на букву «м», но, боюсь, этого мы уже никогда не узнаем. Нарцу проще найти новую жертву, чем старательно вытаскивать старую из утиля.

Итог этой семейной динамики трагический. Женщина занялась самоповреждением. Если конкретно, в минуты силь-

ного эмоционального перегруза запиралась в туалете и билась головой в стену. Сильно. Пока не прошибла себе височную кость и не впала в глубокую кому.

Собственно, этот угод и обратился за помощью, когда у него начала ехать крыша после двух недель наедине с детьми. Не вывез, герой-патриарх.

Вся ирония в том, что нарцы неизлечимы. А почему? Потому что не хотят.

Их всё в себе устраивает. Первопричина проблем этого клиента кроется в нём самом, а не в, цитирую, дуре-жене, которая разбила себе башку, и не в шумных детях, которых эта самая дура-жена не сумела нормально воспитать. Вот основная причина, почему я в свои под сраку лет так и не рискнул стать отцом.

Да, у психиатров свои тараканы и мы у себя первые пациенты. Жизнь любит иронизировать.

Единственное, чего мне хотелось всю сессию, это нашпиговать этого недоразвитого коктейлем из нейролептиков и транквов и превратить в овощ. Чтобы не позорил своим существованием весь род мужской. Но я врач и мне нельзя вовлекаться эмоционально.

А я вовлёкся. Выгораю, похоже. Пора в отпуск. Поэтому я передал его коллеге, Богдану Волкову, в клинику неврозов, где я проводил частную практику в свободное от основной работы время.

Только Богдан, хитрый жучара, предложил услугу за услу-

гу.

— Тим, ты закопался, — бросает Богдан. — Оно тебе надо, а? Если так зудит пофилософствовать, напиши книгу. Наша задача — научить клиента методам самопомощи, подобрать антидепрессанты и оставить в покое его морально-этический облик.

— Ты учить меня собрался? — резко отбиваю.

Я пятнадцать лет в психиатрии, Волков — в два раза меньше, а всё туда же, в самые умные метит, да ещё под конец рабочего дня. Богдан — отличный специалист, только порой самоуверенный.

Начинал я с низов, с санитаря. Это те крепкие парни, которые грузят буйных в карету, предварительно нарядив в белые одежды с завязками сзади. Видел я всё. Всё, что надо было видеть, чтобы потом занять кабинет главного врача.

Здоровый цинизм в нашей профессии порой необходим, как подушка безопасности, только вот почему-то сейчас этот механизм защиты у меня заклинил.

— Я возьму этого пациента, — соглашается Богдан, только, чую, не всё так просто тут. — А ты, как мой научный руководитель, пойдёшь со мной собирать материал.

— Чего?! — включаю бычку. Со мной где залезешь, там и слезешь, не люблю, когда мне ставят условия.

— «Феномен ситуативной маргинализации как механизм компенсации социальной фрустрации у представителей городского среднего класса». Это тема моей диссертации, на-

поминаю.

— Я в курсе, — Волков погнался за регалиями, пишет кандидатскую, а я подписался на свою голову в научные руководители. — Сам что ли не можешь что-нибудь сочинить?

— Могу конечно. Но ты знаешь же мою историю. — История Волкова занятная, это я в курсе. Порой истории пациентов даже не такие занятные, как у нас, врачей. — Я ведь спортсмен. В барах не был лет семь. Интересно же, что там изменилось. Актуальность темы освежить. Наша работа позволит по-новому взглянуть на маргинальность не как на социальное дно, а как на временное психологическое убежище для современного горожанина, страдающего от экзистенциального вакуума и профессионального выгорания.

У меня уши в трубочку чуть не свернулись еще на первом предложении.

— Это оставь для комиссии, — отмахиваюсь от его терминологических извратов.

— Тебе всё равно никуда спешить не надо. Ритка, кстати, совсем съехала?

Рита — моя бывшая жена. Угораздило жениться на коллеге, которая выносила мне мозг чайной ложечкой и психотерапевтировала меня каждый божий вечер относительно деторождения.

Брак психиатра с психиатром вообще хреновая была идея. Не знаю, как с другими психиатричками, с Риткой нос почесать было нельзя, не подвергаясь тщательному анализу. По-

везло, что после развода уволилась и переехала в Питер, иначе вынос мозга продолжился бы в рабочее время.

— Да, ещё в январе последние шмотки вывезла.

— Тем более, собирайся. У меня последний клиент, через час жду в машине.

Глава 2

(Она)

Столик, за которым сидит шумная и большая компания я замечаю ещё с порога.

Меня ждали.

Потому что за входом следит моя школьная якобы подруга Настя.

Потому что она сразу же делает большие и страшные глаза, её рот что-то говорит внутрь стола, где продолговатым кружком тесно расселись человек пятнадцать.

Потому что все они, как по команде оборачиваются, поднимают головы, вытягивают шеи — в зависимости от исходного положения.

Чувствую себя экспонатом в Кунсткамере. Ноги ватные, еле идут, мышцы подрагивают с каждым шагом всё сильнее, будто их током бьёт. Машинально поправляю манжеты длинных рукавов, сильнее натягиваю, чуть ли не до пальцев, аж ткань трещит. Встаю столбом соляным, пока они мажут по мне взглядами. Липкими, сальными, равнодушными, усталыми, полными праздного любопытства.

— Линка! Привет!

— Привет, Элина!

— Снегирь! Наконец-то!

Каждое слово — удар молотком по колоколу. Надетому

на голову.

— А она Снегирь разве?

Какая-то расплывшаяся женщина с висячими бульдожьими щеками, в которой я смутно узнаю нашу отличницу, задаёт кому-то вопрос.

Кому-то. Не мне.

Снегирь, моя девичья фамилия. Как только меня не называли в школе: и Птица, и Воробьиха, и Курица — фантазия жестоких подростков не имела границ. Я её ненавидела, эту фамилию. Потом поняла, что она прекрасная. Как только развелась, я внезапно полюбила всё, что не было связано с моим мужем.

Я вообще очень жизнь полюбила. Очень жить захотелось вдруг.

После развода я сразу вернула её назад и постаралась забыть фамилию мужа. Как и его самого.

— О, Птица! Мы и не надеялись, что ты придёшь!

Ничего не изменилось. Передо мной сидят всё те же лица, что и пятнадцать лет назад, только с морщинами, отёками и брылями.

Никогда не думала, что в тридцать два люди могут так плохо выглядеть.

Неужели я выгляжу так же?

Я сдержанно улыбнулась и кивнула, кому смогла.

Меня усадили во главу стола, принялись рассматривать.

Взгляды были разными, в них угадывались: и сочувствие,

и праздный интерес, и интерес нездоровый, будто в ожидании какой-нибудь адовой телепередачи со скандалами, интригами и расследованиями. Кому-то было стыдно за происходящее. И таких глаз было пары две от силы.

— Как твои дела?

— Кем работаешь? Где работаешь?

— Рисуешь да? Картинки свои? Ты всегда была не как все. И работа у тебя тоже не как у людей.

— А замужем?

— А дети? А пора детей же! И обязательно двух, как положено!

— Элин, ты как после этого? Ну *того*...

— Да! Слушай, мы в шоке были, когда узнали! Мне классная наша рассказала! А потом я в интернете прочитала!

— Вот это зверство вообще! Да как он мог?!

— Элин, а ты как вообще с ним жила? Как не разглядела такое чудовище?!

— Он тебя бил? Он тебе руки отрубить хотел?!

— А как тебя нашли? В лесу же, да? Писали, что ты в одной футболке в мороз была. Он тебя к дереву привязал?!

— Ну а с другой стороны, мы же не всё знаем. Бабы бывает доводят мужиков до белого каления, а потом плачут.

— Расскажи нам, как всё было?

— Мне надо отойти, — мой хриплый, глухой голос теряется в этой какофонии.

Никто не ждёт моих ответов на вопросы, которые не долж-

ны звучат. На вопросы, на которые я отвечать не собиралась. Они беседуют сами с собой, моё присутствие здесь лишнее. Зачем я вообще сюда притащилась?

Со страхами решила побороться? Выйти в люди? Ну теперь держи, Линка, не обляпайся и не урони.

Я резко встаю. Подо мной скрежещет табуретка. Люди сидят вокруг меня слишком плотно, касаются меня невзначай то руками, то коленками, а мне кажется, что по мне черви ползают. Хочу выйти из этого плотного кокона тел туда, где есть воздух, но не могу, как застыла в желе.

Дышать тут нечем. И там нечем. Нигде воздуха нет, всё пропитано какими-то мерзкими запахами: то из кухни несёт подгоревшим залежавшимся мясом, то пивом от соседнего стола, то дым-машина вдруг начинает гонять белесые клубы, воняющие пылью.

Я сдохну, если не выйду отсюда.

Освобождаю ногу из капкана чужих коленей, задеваю чей-то высокий пивной стакан, который со звоном разбитых осколков падает на пол, извиняюсь, слышу в спину что-то про «оплатить». Ищу выход. А нахожу туалет.

Тёмная кишка коридоров выводит меня в предбанник, где две двери рядом, над дверьми две разные буквы, обе горят красным. Занято.

И тут меня прибывает. Я сползаю по заплёванной стене, глядя в наглухо запертую дверь. «Занято» — горит красным. Музыка гремит из колонок в коридоре, а мне кажется, это

оттуда, изнутри, грохают в дверь.

«Открывай, тварина, иначе я тебя порешаю»!

Пролетает в голове мутным воспоминанием. Год прошёл. А будто вчера это всё было.

Опять начинается. Сердце мечется, как птица в силках, трубка горла сжимается в тонкую нить, кислород не проходит внутрь, сгорая ещё на пути к моему сложенному в четыре погибели телу.

Как тогда в багажнике.

Перед глазами плывёт муть. Я вижу этот лес, вижу свои руки в стальных браслетах колючей проволоки, кровь на снегу... Это всего лишь страхи. Это всего лишь мысли. Это не вразумительность.

Не помогает.

Чей-то силуэт загораживает мне обзор. Темно. Ещё темнее, чем было. Да что ж это такое?! Да как же это всё достало!

— Посмотри на меня! Что пила? Ела? Употребляла?

Я только мотаю головой отползая подальше в угол. Это же не Вадим?! Нет. Это какой-то другой мужик. Большой, чернявый, страшный. Здоровенный, как лось. Да ещё и бородатый, такие вообще без тормозов, кровь горная, чтоб её. Инстинкт вопит — мужиков надо опасаться. Куда здесь бежать? Я в углу сижу зажатая...

Только не снова. Только не убивай.

— Успокойся, я врач. Так, у нас с тобой гипервентиляция лёгких. Смотри на меня. На счет «раз» начинаешь вдыхать.

Медленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.